

Л. И. САЗОНОВА

Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева¹

Внимание исследователей Игорева похода всегда привлекали два типа летописных рассказов: по Ипатьевской летописи и Лаврентьевской. Но, кроме летописей, особый рассказ о походе Игоря Святославича на половцев содержится в историческом труде XVIII в., в «Истории Российской» В. Н. Татищева, в обеих ее редакциях.² Рассказ «Истории» отличается от известных нам летописных характером освещения событий, иной передачей фактов, общих и для летописей, и для «Истории», а также наличием новых сюжетных подробностей. Известно, что данные рассказа Татищева использовали не только все историки и исторические сочинители XVIII в.,³ но и С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров, а также автор современной научно-популярной книги, посвященной событиям 1185 г., В. Г. Федоров.⁴ Однако до сих пор не решен вопрос, является ли рассказ «Истории» отражением особого летописного рассказа и можно ли его использовать при изучении обстоятельств Игорева похода в качестве дополнительного к летописям исторического источника.

Об общих принципах работы В. Н. Татищева над «Историей Российской» писали А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров.⁵ Специальные большие исследования о деятельности Татищева как историка принадлежат С. Н. Валку и С. Л. Пештичу.⁶

Выясняя вопрос об историографическом и источниковедческом значе-

¹ Приношу глубокую благодарность сектору древнерусской литературы Пушкинского дома за внимание, которое было оказано работе при обсуждении ее на заседании сектора 5 июня 1968 г. Очень признательна В. П. Адриановой-Перетц, С. Н. Валку, Д. С. Лихачеву, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ценные указания. Искренне благодарна Н. С. Демковой, под непосредственным руководством которой выполнялась работа.

² В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. М.—Л., АН СССР, т. I—VI, 1962—1966 (далее: ИР).— I редакция рассказа помещена в т. IV ИР, на стр. 302—306, II редакция — в т. III, на стр. 134—139.

³ Об этом см.: А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца XVIII в. Leiden, 1954.

⁴ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.

⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. — Дела и дни, кн. I, Пгр., 1920, стр. 80—95; М. Н. Тихомиров. 1) О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. I, стр. 39—53. 2) Новое о «Слове о полку Игореве». — В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 59—63.

⁶ С. Н. Валк. 1) О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. I, стр. 54—75; 2) О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. II, стр. 5—20; 3) О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. IV, стр. 5—26; 4) О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Та-

нии труда В. Н. Татищева, С. Л. Пештич установил способ использования и самый характер правки Татищевым источников, показал «вольность автора „Истории Российской“ в обращении с летописными текстами», отметил «тенденциозность так называемых татищевских известий» и доказал недопустимость использования «Истории Российской» в качестве исторического источника.⁷

Поэтому вопрос о источниковедческой достоверности татищевского рассказа 1185 г. казалось бы можно решить, руководствуясь общими выводами, которые уже сделаны учеными. Однако осуществить это невозможно, во-первых, потому, что мнения ученых о характере правки Татищевым летописных текстов не совпадают, а во-вторых, даже если принять точку зрения С. Л. Пештича, всегда остается сомнение: а вдруг в данном конкретном случае Татищев использовал неизвестные нам теперь источники. Поэтому на необходимость специального изучения татищевских рассказов об Игоровом походе и прежде всего в связи со «Словом о полку Игореве» указывалось в исследовательской литературе, в частности в статьях Л. А. Дмитриева и А. В. Позднева.⁸

В данной работе объектом изучения является непосредственно рассказ о походе Игоря Святославича в двух редакциях «Истории» Татищева в сравнении с известными летописными текстами. Понятно, что степень вероятности выводов, предлагаемых в работе, была бы больше, если бы был осуществлен полный текстологический анализ «Истории» в целом или хотя бы больших ее отрывков в сравнении с текстами летописей. В работе я не ставила перед собой такой задачи. Однако выводы, к которым подводит изучение материалов, проверялись наблюдениями над рассказами, которые окружают интересующий нас текст, а также рассматривались и соотносились с уже выдвинутыми в науке положениями о принципах работы Татищева с летописными текстами в процессе создания «Истории Российской». Установлено, что при описании событий XII в. Татищев главным образом обращался к свидетельствам Ипатьевской летописи.

В работах С. Л. Пештича и Л. А. Дмитриева высказано мнение, что Татищев пользовался Ермолаевским списком Ипатьевской летописи.⁹ Действительно, в текстах обнаруживаются чтения, сближающие рассказ Татищева с повестью по Ермолаевскому списку. Но при дословном текстологическом сопоставлении отмечаются также чтения татищевского рассказа, расходящиеся с чтениями Ермолаевского списка.

Вместо «Токсобича» (Е)¹⁰ у Татищева читаем: «Тускобича» (Т₁, Т₂), вместо «Юргевич» (Е) — «Юрьевич» (Т₁), «биющися» (Е) видоизмени-

тищева. — В кн.: ИР, т. V, стр. 5—21; 5) О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. VI, стр. 5—18; 6) В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В сб.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 66—73; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., Изд. ЛГУ, 1961—1965, ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

⁷ Там же, ч. I, стр. 250, 261—262.

⁸ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX, 1964, стр. 136—137. А. В. Позднеев. «Слово о полку Игореве» и летопись. — Тр. Моск. гос. заочного пед. инст. Проблемы истории литературы, вып. 1. М., 1961, стр. 7—32.

⁹ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1, стр. 258; Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве», стр. 138.

¹⁰ Здесь и далее вводятся условные обозначения:

Е — для текста рассказа по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи;

И — для текста рассказа по Ипатьевскому списку;

Т₁ — для рассказа «Истории Российской» в I редакции;

Т₂ — для рассказа «Истории Российской» во II редакции

лось в «биющаяся» (T_1) и т. д. Искажение имен и форм слов было, возможно, допущено в процессе переписки летописного текста писцом, снимавшим для Татищева копию, и в этом случае отклонения в тексте Татищева могут быть результатом неточного воспроизведения копиистом XVIII в. текста Ермолаевского списка.¹¹

Но уже следующее чтение вызывает затруднения при объяснении его происхождения. Речь идет об отсутствии в татищевском рассказе названия реки «Каяла», имевшегося во всех списках Ипатьевской летописи, в том числе и в Ермолаевском. Трудно допустить, что Татищев или переписчик сознательно выпустили его, не зная такого названия и приняв его за опisku писца, потому что они оставили в тексте название неизвестной реки Суурлий.¹² Можно предполагать, что название реки Каялы отсутствовало уже в списке Ипатьевской летописи, текст которого использовал Татищев. Косвенным доказательством этого может быть тот факт, что названия «Каяла» нет и в украинских летописях — Густынской и в «Кройнике» Феодосия Софоновича,¹³ воспроизводящих рассказ об Игорево походе в версии Ипатьевской летописи. Но настаивать на этом предположении, опираясь только на данный пример, нельзя, поскольку отсутствие названия реки можно объяснить и механическим пропуском переписчика.

Есть другие, более выразительные разночтения рассказа Татищева и рассказа по Ермолаевскому списку, которые нельзя объяснить чем-либо иным, кроме нетождественности списка, бывшего у Татищева, Ермолаевскому.

Обратимся к текстам:¹⁴

Е

И яко приближися Игорьъ к полком своим и преехаша поперек един перестрел одал полку своего. Держима же Игорьъ, виде брата Всеволода...

T_1

Егда же приезжая Игорьъ к полку своему за перестрел, переехаша его половцы поперек и взяша жива. Он же, видя Всеволода...

В данном тексте нас интересует сочетание «взяша жива». Оно отсутствует в дефектном чтении Ермолаевского списка, но есть у Татищева, а также в Ипатьевском списке и в Густынской летописи, причем в сходной лексической форме: «яша» (*И*: «И яко приближися Игорьъ к полком своим и переехаша поперек и ту яша един перестрел одале от полку своего. Держим же Игорьъ, виде брата своего Всеволода...»), «ят бысть» (Густынская летопись: «Ят же бысть и сам князь Игоръ»).

Возникает, естественно, вопрос: восходит ли чтение «взяша жива» к источнику или принадлежит перу Татищева, если предположить, что он пользовался только Ермолаевским списком. Вполне возможно допустить, что Татищев, стремясь к точности и последовательности изложения, сам мог восполнить пробел Ермолаевского списка, но лексическое родство

¹¹ О том, что Татищев пользовался в большинстве случаев не оригиналами текстов, а их копиями, см.: С. Н. Валк. О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 11—12.

¹² До сих пор на исторических картах реки Суурлий и Каяла обозначаются только условно; см.: В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла, стр. 46.

¹³ Густынская летопись: ПСРЛ, т. II, СПб., 1846, стр. 319—320. Публикацию рассказа о походе 1185 года «Кройники» Феодосия Софоновича см. в кн.: Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім. У Києві, 1926, стр. 344.

¹⁴ Здесь и далее текст *Е* приводится по рукописи. ГПБ. Ф. IV, № 231, лл. 196—197; текст T_1 — ИР, т. IV, стр. 302—306; T_2 — ИР, т. III, стр. 134—139; *И* — ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 637—651; рассказ Густынской летописи — ПСРЛ, т. II, СПб., 1846, стр. 319—320.

выражений «взяша жива» у Татищева и «яша» в Ипатьевском списке, а также «ят бысть» в Густынской летописи все-таки заставляет думать, что данное чтение заимствовано Татищевым из какого-то другого списка Ипатьевской летописи.

Следующий пример, который не позволяет считать Ермолаевский список источником татищевского рассказа:

E

...городы посеемские... метяхуся, аки возмут весть, города воставаху, и не мило бяше комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрешахуся душ своих, жалующе по князех своих.

T₁

...городы посемские... бояхуся, да егда приидут половцы и города поемлют, не бе бо кому боронити и люди уряжати. И тако плакахуся от мала и до велика.

Сравнивая данные отрывки, замечаем, что текст *T₁* не соответствует тексту Ермолаевского списка. Различие не только в словесном оформлении, но и в содержании. В летописи говорится о том, что жители посемских городов так глубоко «жалующе» о пленении своих князей, что «отрешахуся душ своих», им даже «не мило бяше комуждо свое ближнее», в тексте «Истории» — они только боятся прихода половцев.

Вряд ли столь сильное изменение отрывка в «Истории» связано с переработкой текста Ермолаевского списка самим Татищевым. При переработке остались бы хоть какие-то следы от старого текста в этом сравнительно большом отрывке (например, могли бы сохраниться такие опорные слова, как «метяхуся», «возмут города»). Кроме того, в рассказе Татищева в данном отрывке идея единства князей и народа отсутствует (в отличие от летописи). А если учесть, что Татищев ради утверждения именно этой идеи специально вводил в свой рассказ дополнительные версии (см. об этом ниже), вызывает недоумение, почему бы мог быть так изменен текст Ермолаевского списка. Очевидно, сам источник, которым пользовался Татищев, не содержал подобного текста.

Итак, те отклонения татищевского рассказа от рассказа по Ермолаевскому списку, которые не являются ошибками переписчика и не носят следов правки самого Татищева, а отражают таким образом чтения оригинального текста, и дают возможность предполагать, что в основе татищевской повести лежал список, близкий Ермолаевскому, но не идентичный ему. Условно обозначим его как список *E₂*.

В рассказе «Истории» имеются сведения об Игоровом походе, отсутствующие в Ипатьевской, но содержащиеся в Лаврентьевской и близкой к ней летописях. Например, описание затмения и известие о посланнике, которого половцы отправили к киевскому князю Святославу с повелением «прийти по свою братию», восходят к типу рассказа о походе Игоря по Лаврентьевской летописи. Л. А. Дмитриев видит зависимость татищевского рассказа непосредственно от Лаврентьевской летописи.¹⁵ Это заключение требует уточнения. Татищев, как установлено, не имел в руках Лаврентьевской летописи; но известно, что среди «манускриптов» и списков, привлеченных Татищевым к работе, были летописи, содержащие рассказ об Игоровом походе в редакции Лаврентьевской летописи.¹⁶ Это Воскресенская летопись в Воскресенском и Алатырском списках, Новгородская летопись в Голицынском, Лаптевском и Академическом XV списках, Радзивилловская, Львовская и Новгородская IV летописи. Сведениями какой из них воспользовался Татищев? Очевидно, что дополнения были заимствованы не из Львовской и не из Новгородской IV, так

¹⁵ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве» стр. 137.

¹⁶ ИР, т. IV, стр. 47—49.

как в них нет чтений, имеющихя в тексте Татищева. В Львовской летописи отсутствует фраза: «и послав князь Святослав по все князи и по сыны своя да снудутся ко Киеву», а в Новгородской IV нет известия о посланнике. Можно предполагать, что Татищев использовал Радзивиловскую летопись, поскольку именно с ней обнаруживается большее текстуальное сходство. Причем ясен и характер заимствований Татищева: он использует отдельные новые факты — подробности в описании затмения, сведение о посланнике, пришедшем к Святославу от половцев, — для дополнительной информации.

Таким образом, Татищев дополнял чтения списка E_2 деталями и подробностями, отсутствующими в нем, по рассказу Радзивиловской летописи.

Высказывания самого Татищева могут подтвердить то, что он, создавая летописный свод, прибегал к компиляции. Поскольку, как писал сам Татищев, «неможно сыскать, чтоб два («манускрипта», — Л. С.) во всем равны были, в одном то, в другом другое сокращено или пространнее описано», то приходилось «собирать из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет».¹⁷

Итак, выделив в рассказе «Истории Российской» корпус чтений, которые восходят к определенным здесь источникам, т. е. гипотетическому списку E_2 и Радзивиловской летописи, перейдем к анализу чтений, не имеющих себе соответствия в исторических памятниках, известных в настоящее время, а содержащихся только в «Истории Российской» Татищева.

Анализируя текст татищевской «Истории» в сопоставлении с летописным, обнаруживаем систему, определенные принципы обработки и использования летописного текста.

Татищев изменяет его, пересказывая, переосмысляя, допуская сокращения или, наоборот, дополняя.

В силу нескольких причин Татищев переделывал текст. Одна из них — непонимание им очевидного для нас теперь текста. Это обнаруживается, например, в искажении смысла фрагмента летописи, в котором рассказывается об осаде половцами города Римова.

Е

Рымовцы же затворишася в городе и возлезше на табора и тако божим судом соступиста два городничии з людьми тако к ратным и прочая граждане нанде страх, да которые же граждане выидоша из города и бияхуса крепко ходяще по Римском болоту, то тыи избегоша плена, а кто ся остал в городе и тыи взяты быша вси.

T_1

Рымовцы же затворишася во граде и возлезше на табора, а два городничии изыдоша из града и с людьми и идоша чрез болото, биющеся, спасошася.

Сравнивая тексты, убеждаемся, что Татищев, имея под рукой испорченный текст («соступиста два городничии» вместо «летеста две городничии»), как в Ипатьевском списке, где данный текст правильный), по-видимому сходный с Ермолаевским, неверно понял значение слова «городничии», отчего его текст приобрел иной смысл. «Городничии» — искаженное «городничии» от слова «городница», что означает в древнерусском языке часть городской стены.¹⁸ В Ипатьевской летописи речь идет о том, что при защите города Римова упала часть городской стены вместе с людьми, стоявшими на ней; вот почему ниже и следует: «на прочая

¹⁷ ИР, т. I, стр. 91.

¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, стлб. 557.

граждане найде страх». О «городничии» в тексте «Истории» говорится не «летеста» (так в Ипатьевском списке), а очевидно, под влиянием неправильного текста «изыдоша». Следовательно, в понятии Татищева «два городничии» не городские стены, а какие-то должностные лица. Это предположение подкрепляется текстом II редакции, где прямо сказано не «городничии», а «городничие»: «Римовцы же, укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из града и, бияся, перешли за болото и тако спаслися» (Т₂).

Но, чтобы на этот счет не оставалось сомнений, обратимся к «Лексикону, сочиненному господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Там читаем: «Городничей, называны прежде обезжие и огневщики, их должность большею частию полицейская, а о запирании и отпирании городских ворот в крепостях, плац-Майорская, они были учреждены при царе Иоанне I, и ныне, в малых городах, где полицмейстеров не определено, имеются городничие».¹⁹

Поскольку значение слова «городничии», данное в «Лексиконе», совпадает со значением этого же слова, выясняющегося из контекста рассказа, и причем смысл, вложенный Татищевым, очень далек от того, который имеет древнерусский термин «городница», то есть все основания считать, что данная правка проведена Татищевым. И как следствие непонимания значения одного слова, картина осады города Римова, данная в «Истории Российской», не совпадает с той, которая известна по летописи. Перед нами попытка творческого осмысления непонятного текста, в результате которой появляется ряд новых моментов: исчезает предложение «на прочая граждане найде страх», его место занимает теперь фраза: «два городничие, собрав людей, вышли из града» (Т₂).

Неверно истолковано Татищевым и слово «пяток» (И), «пят» (Е), в древнерусском языке обозначающее «пятница». В летописи указывается на то, что в пятницу Игорь бежал из плена: «Се же сотвори Господь избавление в пят в вечер» (Е). Татищев же «в пяток», «в пят» неправильно понимает как «впятером»: Игорь «пошел к реке, оную перебрел. И седши на кони, поехали сквозь жилиста половецкие сам пят»²⁰ (Т₂).

Данные правки летописного рассказа могут быть наглядным примером того, как Татищев по своему разумению передавал смысл летописного источника.

В рассказе «Истории Российской» обнаруживается и ряд пропусков по сравнению с летописью. Их можно объяснить как чисто стилистическую правку. Татищев исключает предложения, которые в контексте рассказа не несут нового содержания. Так, например, изъято предложение «беше бо совещал со Лавром бежати в Русь» по той, возможно, причине, что об уговоре Игоря с Лавром «бежати в Русь» сообщалось выше, и т. д. Сокращения такого рода не влияют существенно на описание событий; они освобождают текст от повторений, хотя опять-таки подтверждают, что изложение в «Истории» ведется не в строгом соответствии с летописью.

Но в рассказе Татищева есть немало пропусков, имеющих принципиально важное значение. Например, Татищев исключает из своего повествования покаянную речь Игоря, речь, присутствующую во всех списках Ипатьевской летописи, в том числе и в Ермолаевском. Пропуск исповеди

¹⁹ Лексикон Российской, сочиненный господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, ч. II. СПб., 1793, стр. 64.

²⁰ Этот случай непонимания Татищевым текста летописи приводится в статье Д. С. Лихачева «Изучение „Слова о полку Игореве“ и вопрос о его подлинности». (В сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.—Л., 1962, стр. 65).

может свидетельствовать о том, что татищевское изложение отмечено вполне определенным отбором материала. Думается, это связано с теми требованиями, которые предъявлялись историкам Петровского времени. Как известно, «Петр не только лично интересовался летописями, читал их, но и стремился наладить составление новых летописных историй».²¹ Одно из его основных требований к историкам было — из летописей надо выбирать «что пристойно в историю».²² Сохранение речи Игоря, где он кается в своих грехах, в том, что взял «на щит» город Глебов у Переяславля, отлучал «отец от рождения своих, а подруга от подруги» — сохранение такой речи в официальном труде не с лучшей стороны показывало бы деяния русских князей и все происходившее в Древней Руси. Возможно, что как раз это и явилось причиной исключения исповеди Игоря из рассказа «Истории».

Вообще из рассказа Татищева исключены все покаяния, молитвы, исповеди. Последовательное их устранение тесно связано со взглядами Татищева, который считал, что «не все делается от бога, но много и от человека».²³ Такая правка летописных текстов была характерна для Татищева. Еще А. Е. Пресняков в 1905 г., сопоставляя Никоновскую летопись, которая находилась у Татищева, с «Историей Российской», отмечал, что «Татищев вытравляет из летописи Никоновской клерикальный дух».²⁴ И сам Татищев признавался, что, как писал он, «изымал» из «Истории» все, «не надлежащее к светской летописи».²⁵

Это еще один факт, свидетельствующий о неточном воспроизведении Татищевым памятника, об изменении его смысловой и художественной системы.

Сравнительный анализ текстов обнаруживает, что рассказ Ипатьевской летописи не только переосмыслен, сокращен в «Истории Российской», но и дополнен. Так, например, появляется сцена встречи Игоря с княгиней, известие о тысяцком Рагуиле и др.

Принадлежат ли дополнительные сведения В. Н. Татищеву или летописцам, нам неизвестным? Ученые дают разные ответы на вопрос. По мнению акад. М. Н. Тихомирова, «эти дополнения (в рассказе об Игоре, — Л. С.) странно считать выдумкой, так как во времена Татищева не было известно „Слово о полку Игореве“, не возникало споров, да и не могло возникнуть вокруг этого неизвестного тогда произведения. Какая же цель была Татищеву выдумывать известия о тысяцком Рагуиле».²⁶

С. Л. Пештич допускает, что при описании событий XII в. чтения Ермолаевского списка были дополнены Татищевым по «Раскольниковской летописи», которая и до сего дня остается загадкой. «Но нет оснований, — пишет С. Л. Пештич, — относить все татищевские известия к этому не дошедшему до нас источнику, тем более если учесть, что Татищев систематически ссылаясь на Раскольниковую летопись, когда хотел показать происхождение того или иного известия».²⁷

После текстологического анализа рассказа об Игоре по Ипатьевской летописи и в двух редакциях «Истории Российской» можно

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — В сб.: Проблемы источниковедения, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 281.

²² Там же, стр. 284.

²³ А. А. Галактионов. Социально-политические и философские взгляды В. Н. Татищева. — Уч. зап. ЛГУ, вып. 7, № 190, Л., 1956, стр. 171.

²⁴ А. Е. Пресняков. ЛОИИ, собр. А. Е. Преснякова, № 55, лл. 5—6.

²⁵ В. Н. Татищев. Предъизвещение. — В кн.: ИР, т. IV, 38.

²⁶ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской» Татищева. стр. 49.

²⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 258.

поддержать точку зрения С. Л. Пештича. Смысл ее заключается в том, что многие вставки, расширения летописного текста не восходят к летописям, до нас не дошедшим, а являются отражением исторических взглядов Татищева.²⁸ Но дополняя наблюдения С. Л. Пештича, отметим, что появление дополнительных сведений связано не только с историческими взглядами Татищева, но и с определенной системой его эстетических понятий и убеждений. Я пыталась решить вопрос следующим образом. Ввиду того что гипотетический список E_2 — источник Татищева — нам неизвестен, тексты рассматриваются не в направлении от летописи к I редакции «Истории», а затем от нее — ко II, а в обратном порядке, т. е. от II редакции к I и от нее — к предполагаемому источнику. Такой подход к материалу объясняется также и тем, что II редакция по сравнению с I располагает значительным числом дополнений. Все ученые, занимавшиеся выяснением источников «Истории Российской», в том числе А. А. Шахматов, С. Л. Пештич, сходятся на мысли, что во II редакции многое «изобретено» Татищевым.²⁹

По свидетельству самого Татищева, II редакция написана «с прибавкою многих изъяснений».³⁰ Сопоставляя рассказы в двух редакциях, пытаюсь установить характер «изъяснений» II редакции, причины появления в тексте; обнаруживаю определенную систему дополнений, и затем, перейдя к анализу I редакции «Истории», выделяю чтения, которые соответствуют установленной системе и, следовательно, не принадлежат летописному источнику.

Итак, II редакция в сопоставлении с I. Четко выделяются три группы вставок, которые условно можно обозначить как: 1) морально-поучительные (дидактические), 2) пояснительные, 3) беллетристические.

Чтобы доказать закономерность вставок, а не случайность их, можно было бы привести большое количество примеров. Укажу наиболее характерные.

Морально-поучительные вставки иногда имеют форму откровенных авторских сентенций: «...молодые князи, не слушая совета старых, желаясье честь прежде времени приобрести, не ведая, что к тому искусство многое потребно., пошли за реку к половцам». Но, кроме того, дидактическое задание получают целые эпизоды, призванные изобразить «долженствующую действительность».

В идеализированном виде представлены русские князья. Во II редакции Игорь показан как князь положительно-прекрасный. Он наделяется такой характеристикой: «Сей князь своего ради постоянства любим у всех был, он был муж твердый». Отказ Игоря бежать из плена («я не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне безчестным путем идти не хочу») в «Истории» комментируется в маргиналии «любочестие Игоря». Для освещения рыцарского «лика» Игоря немаловажным было и упоминание (которое, кстати, тоже принадлежит II редакции) о том, что после проигранного сражения Игорем овладевает жажда мщенья и «чтоб пленных выручить, положил (Игорь) намерение, выпрося у других помощь, паки на них (половцев) идти». Итак, Игорь превозносится как князь благородный, безмерно преданный своей идее.

Как прекрасный воин изображается у Татищева и переяславский князь Владимир: «Владимир, выехав из града, напал на них (половцев) и,

²⁸ Там же, стр. 222—262.

²⁹ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 80—95; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

³⁰ ИР, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).

многих порубя, загнался в середину полков их, но с ним людей было мало, ибо, не осмотрясь, разделились в бою натрое... Князь же их обступлен бьется крепко... Владимир же, погубя коня, биясь пешком...». В Ипатьевской летописи тоже говорится, что Владимир «бьаше же дерз и крепок к рати», но таких подробностей, которые отмечаются в «Истории» («многих порубя» половцев, «Владимир же губя коня, биясь пешком»), в ней нет.

Сила, неустранимость русских князей особенно заметны на фоне версий, компрометирующих половцев, указывающих на их неумение разгадать тактику противника, вести бой. В «Истории Российской» настойчиво подчеркивается, что битва у Путивля окончилась для половцев неудачно. Войско хана Кзы понесло большие потери:

Е

Кза у силах тяжьких и повоеваша волость их и села их пожгоша, пожгоша же и острог у Путивля и воротитшася восвоися.

Т₂

Кзя, князь половецкий, с великим войском пошел к Путимлю, и многие волости пожег, и, к Путимлю жестоко приступая, острог сжег. И потеряв много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил.

Далее в тексте «Истории» следует обстоятельнейший рассказ (который читается только во II редакции) о том, как благодаря хитрости Олега Святославича и воеводы Тудора удалось уберечь посемские города от захвата половцами: Кзя «послал в Посемье 5000, тамо жець и разорять. Но Олег Святославич с воеводою Тудором, который во многих боях храбростью и разумом прославился, учинили со оними бой об реку. Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли через реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед меж болоты, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцев, а сам, обошед, сзади напал». Далее подробно повествуется о потерях, понесенных половцами: «И так их смявши, порубил, что едва сто их (половцев) назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатых и подлых пленено». О неудачном походе половцев на Русь говорится с иронией, тип которой, кстати, является приметой позднего повествования: «Тако половцам обоюду равная удача была, и один перед другим (речь идет о ханах Кзе и Кончаке,— Л. С.) не мог похвастаться, разве большею потерей своих», или «И возвратились в свои жилища не столько русских пленя, сколько своих потеряли». Указывая на пороки врагов, дополнения II редакции выгодно оттеняют добродетельность русских князей. Князья прославляются как прекрасные воины, как правители, заботящиеся о своих подданных. Об отношениях князей говорится как о дружеских, отмечается их готовность с радостью помочь друг другу: «Ярослав с радостью и любовью Игоря приняв, обещал довольное войско в помощь ему дать» и т. д. В представлении Татищева — это князья мудрые, поэтому историк сознательно распространяет их речи, придает их выступлениям характер философский, вкладывая в них иногда свои собственные воззрения.

Игорь произносит проповеди, поучает, наставляет. Его речи — сплошные философы. В качестве примера можно привести значительно распространенные в Т₂ речи Игоря перед сражением:

Т₁

... рече ко братии своей и дружине: «Сего есмы искали и семо пришли, зде намо головы или честь погубити и при-

Т₂

... рече Игорь ко братии и дружине. «Мы сюда пришли, желая сыскать неприятелей, которых ныне видим

обрести. Вы избирайте себе, что вамо годно, а кто не хочет битися, той останеться, а яз вдаю мя суду божию и потягну».

перед нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времени ослабевающихся. Того ради надобно разсудить, что здесь нужно вооружиться крепко на брань и, положась на бога, с честью умереть или победить. Если же кому не мило битися, то лучше оному отойти и других не смущать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю божию».

Такого рода рассуждений в тексте II редакции много; интересно отметить, что они не несут новых сведений. Речи князей — это нравоучительные тирады, и распространения такого рода во II редакции могут быть аргументом в пользу переработки текста самим Татищевым, а не заимствования из источников, нам неизвестных. В рассуждениях иногда появляются фразы, которые выдают в сочинителе их не летописца, а ученого XVIII в. Это видно из речи Игоря по поводу затмения, которая переделана у Татищева по сравнению с летописью. Описание затмения лишается пророческого смысла, смысла грозного предзнаменования, ему находится естественнонаучное объяснение. На замечание вельмож, испугавшихся солнечного затмения: «Сие знамение не на добро есть», Игорь отвечает: «Знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и странах».

Итак, идеализируя русских князей, влагая в их уста мудрые пространные рассуждения, Татищев обнаруживает свой идеал правителя. Другими словами, морально-учительные вставки играли роль притч, в которых проводилась философская теория историка.

Назначение другой группы дополнений, имеющих в II редакции, — мотивировать, или, по выражению Татищева, «изъяснить» тот или иной поступок.³¹ Так, например, текст, не очень понятный в летописи: «И тако идяхуть тихо, собираючи дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони велми тучни», — Татищев пробует осмыслить, и медленное продвижение по степи русского войска он объясняет тем, что Игорь берег коней, «чтоб не зделать оных без ног». Некоторые «изъяснения» курьезны. В тексте «Истории» говорится, что Игорь, видя полк ковуев, убегающий с поля брани, поскакал за ним, чтобы возвратить его и «скинул с себя для тягости шелом» (ср. И: Игорь «соимя шолом погънаше опять к полком того дея что быша познали князя». Е: Игорь «соимя шолом погна опят к полком»). Подобных примеров во II редакции много. Случаи комментирования летописного текста могли появиться только при желании, которое и было у Татищева, сделать рассказ возможно более доступным для читателей.

Во II редакции обнаруживается тенденция и к беллетризации повествования. Для этого привлекаются подробности романического, флигельного характера. Одна из таких: «тысяцкого сын, уведав от жены князя Туглиа, с которою любовь имел, что половцы положили Игоря убить».

В рассказе появляются отдельные элементы, атрибуты сказки — пир, дары, мед: «Игорь учени пир, на котором приставников потчевал до-

³¹ Дополнительные примеры «рассуждений, долженствующих осветить ход событий и связать одни факты с другими» в «Истории Российской», отмечены также в статье А. А. Шахматова (К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 83).

вольно медом и дарил». В I редакции сказано просто: «Половцы упилися бяху». Эти и другие, подобные им детали, были средством привлечь внимание читателей, возбудить их интерес к рассказу.

Вполне возможно, что введение беллетристических эпизодов было обусловлено представлением Татищева о том, каким должен быть исторический труд. По его мнению, «как всякое строение требует украшения, так всякое сказание красноречия».³²

Интересно, что черты занимательности и литературности присущи не только «Истории Российской» Татищева, но и другим историческим сочинениям XVIII в. М. В. Николаева, автор статьи «К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века» пишет, что многие современники Татищева — С. Медведев, Ф. Прокопович, П. Крекшин — «сознательно стремились вести историческое повествование украшенным литературным слогом... Исторические произведения в большинстве своем читались не с узко познавательными или научными целями; они удовлетворяли и собственно литературные интересы и потребности».³³ Думается, что и в «Истории Российской» должен быть отмечен элемент литературности, появившийся под влиянием общей тенденции к беллетризации исторического повествования.

Обратившись к анализу дополнений II редакции по сравнению с I, мы обнаруживаем, что те фрагменты I редакции, которые отсутствуют в летописях, известных нам, полностью соответствуют установленной системе, т. е. работа Татищева над II редакцией может рассматриваться как аналог работы над I редакцией, так как уже и в I редакции ясно прослеживается каждая из тенденций, отмеченных нами: введение дидактических рассуждений, пояснений и беллетристических моментов.

В описании Татищевым событий XII в. сказался своеобразный подход к ним историка Петровского времени, при котором, как упоминалось, отбирались факты «пристойные» для истории, ибо считалось, польза истории состоит в том, что она «учит о добре прилежать, а зла остерегаться».³⁴ Поэтому неудивительно, что все в изложении Татищева предстает с выгодной стороны: и князья, и подданные, и их взаимоотношения. Таким образом, те фрагменты рассказа II редакции, которые повествуют об идеальных князьях и идеальных отношениях, представляют собой развитие в том же идейном направлении и углубление подобных фрагментов I редакции, таких, например, как рассказ о благородстве князя Игоря, наградившего Лавра именем (в летописи отсутствует). Сходным образом строится повествование у Татищева и в I редакции «Истории». Эпизод о спасении переяславцами князя Владимира Глебовича в T₁ приобретает новые черты по сравнению с летописями, в отличие от которых здесь говорится, что горожане не только отняли от половцев своего раненого князя, но они также посадили его на коня и так увезли в город: «И едва смятоша половец и доидоша князя вельми уже истомленна, бе бо трой копиями ранен и взявше его на конь и вовезоша во град» (Ср. Е: «... тогда прочие видеше князя своего крепко биющася, выринуша из города и тако отъяша князя своего язвенна суща тремя копиями, соже Володимир доблии язвен и труден въеха в город свой». Радзи-

³² Предъызвещение о истории общественной и собственно о русской. — В кн.: ИР, т. I, стр. 83.

³³ М. В. Николаева. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII в. — Уч. зап. Лен. пед. инст. им. Герцена, т. ССXLV, Л., 1963, стр. 151—152.

³⁴ ИР, т. I, стр. 80.

виловская летопись: «И видевше горожане изнемогающа своих, выринушас из города и бишас, одва изъотыша князя боденого тремя копыи».³⁵

Забота переяславцев о своем раненом князе отвечала представлениям Татищева, как сторонника идеи монархического правления, о верности и преданности подданных своему господину, и именно это обстоятельство он детализирует. Речи князей Татищев насыщает моральными сентенциями, призывами отстоять русские княжества: «Ныне же требе всем стати и ся спасти», или «И не дайте поганым в руде Переяславля». Можно сказать, что интерес к этической стороне событий, к их назидательному смыслу определял отбор материала и в I редакции «Истории».

Как и во II редакции, в I выделяются такие фрагменты, где историк пробует установить причину событий, их связь, ведь он создавал летописный свод, который должен быть понятен многим. Исходя из этого, становится ясна цель вставки: «Игорь . . . видя братию победивши половцы и честь прияша, поревновав има, собрав вои». Вставка должна сообщить читателям причину, побудившую Игоря отправиться в поход. Стремясь пояснить читателям, о каких князьях идет речь, Татищев называет их полные имена, указывает на родство, сообщает, какой землей владеют. Подобные случаи не единичны.

Но Татищев создавал не просто летописный свод, а историю для чтения. В I редакции, так же как и во II, четко выделяются подробности, способные увлечь читателей. Так, в татищевском рассказе появляется эпизод, который в маргинальной пометке I редакции «Истории» назван «Северян радость о Игоре». Из него предстает история возвращения Игоря из плена со множеством сентиментальных подробностей и пышной картиной встречи Игоря жителями Новгород-Северского: «И не доехав мене полдница, спотчеса конь, и паде Игорь, мало ногу потолче, яко не можаше на конь всести. В той час прибеже в Новгород детск един и возвести. И ач надолзе не яша веры, княгиня же, не моги часа терпети, нощию иде к нему и по ней вся люди ово на конех, ово пеши. И егда приидоша в село ко святому Михаилу, иде же Игорь обночева, объястася со князем и от радости надолзе, друг на друга зря, слезы испущаху. И едва престаха от слез, идоша рано к Новугороду, а людие, мужи и жены со чады, встречаху князя, яко во граде мало остана. И бысть радость велия во всей земли, обрадоваша бо ся ему людие вси».

Данный фрагмент татищевского рассказа не известен ни одной летописи. Однако самый факт, который так подробно описывается в «Истории», — радость жителей Новгород-Северского по поводу встречи со своим князем — излагается и в летописных источниках, но в них это сведение передано предельно кратко: Игорь «иде в свой Новгород и обрадовашася ему» (Е). В «Истории» же этот факт предстает в амплифицированном виде.

Мотив возвращения Игоря на родину является благоприятным поводом для детализированного и чрезвычайно экспрессивного описания у Татищева. Трогательная сентиментальность встречи Игоря с княгиней, патетичность сцены встречи князя с подданными, словесные украшения («от радости надолзе друг на друга зря слезы испущаху», «радость велия» и т. д.) — это орнаментальные подробности, средства, мотивированные стремлением эмоционально воздействовать на читателей. Там, где была возможность «живописания», Татищев не упускал ее. В рассматриваемом рассказе в этом отношении привлекает внимание и эпизод подготовки побега Игоря, лаконично переданный летописью и многословно — «Историей».

³⁵ Радзивилловская летопись. — ОЛДП, СХVIII, 1902, л. 234.

Е

В заход солнца и посла Игорь к Лаврови конюшого своего река ему: переиди на ону сторону с конем поводным бяше бо совещал со Лавром бежати в Русь. В то ж время Половци напилися бяше комуждо, и бысть при вечери пришел конюшни и поведи князю своему Игореве яко ждет Лавер. (Далее следует молитва Игоря). Сторожем же его играющим и веселящимся, а князя творяща спяща. Той же пришед к реце перебрел и всед на конь.

Т₂

По малом времени, разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников потчевал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришед, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, бояся, чтоб его не поймали, и призвав других своих служителей, велел перед шатром своим играть и пить. И вышел вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит. Он же не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел.

Опять налицо амплификация летописного текста. Татищев не излагает ни одного нового факта, он распространяет подробностями уже известные. Сцена пира — это расширенный вариант эпизода, который летописью передан в одном предложении: «половцы напилися бяхуть кумыза» (цитата по Ипатьевскому списку). Создание и введение подобной сцены сообщало повествованию характер некоторой игривости и развлекательности. Остальные фразы «Истории Российской», которым не находится параллелей в тексте летописей, представляют собой по содержанию психологические мотивировки поведения героев (которые, кстати, не свойственны летописанию ранней поры): Игорь «бояся, чтобы его не поймали...», «Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки...». Вместе с ними вносился в изложение элемент остроты и напряженности.

Как видим, в последних примерах новых фактов нет, поэтому можно говорить о художественной обработке Татищевым исторического материала. «Историю Российскую» Татищева, может быть, следует рассматривать не только как произведение историческое, но и как сочинение литературное. Ведь именно литературным подходом к историческому материалу и его освещению можно объяснить некоторые свидетельства, индивидуальные для татищевской «Истории».

Итак, повествование, стилистически украшенное, острое, интригующее — цель Татищева. Следуя ей, историк составляет известия, беря иногда в основу не только факты непосредственно Игорева похода. Возможно, некоторые новые сцены он создает на базе древних текстов. В этом плане обращает на себя внимание несколько мест в рассказе «Истории». Так, например, фраза «Не доехав мене полднища, спотчеса и паде Игорь, мало ногу натолче» вызывает ассоциацию с аналогичным эпизодом, описанным в летописях и в «Сказании о Борисе и Глебе»: «И пришед (Глеб) на Волгу. На поле потъчеса под ним конь в роуе и наломи ногу мало».

Такие новые элементы, появившиеся в рассказе «Истории», как известие о тысяцком Рагуле и о церкви св. Михаила, напоминают о летописном рассказе 1147 г. об убийстве Игоря Ольговича, который в «Истории» к тому же назван Игорем Святославичем.

Появление этих сведений, может быть, еще трудно ставить в прямую связь с известными летописными текстами. Относительно же эпизода о защите посемьских городов, появившегося только во II редакции

«Истории», уже трудно сомневаться. В нем явно заметны мотивы летописного рассказа 1160 г. Ипатьевской летописи. Отрывок рассказа Татищева и летописный роднит сходство ситуаций и общность персонажей. В обоих текстах описывается битва с половцами, говорится, что бой русские учинили «о реку», что во главе дружины стоял Тудор галичский, который «во многих боях храбростью и разумом прославился». Заканчиваются оба эпизода сообщением о победе русского войска.

Из приведенного примера видно, что самый механизм создания новых известий в рассказе о походе Игоря состоит в перенесении ситуаций одного событийного ряда в другой, в котором эти ситуации, если они не противоречили общему смыслу рассказа, могли восприниматься как достоверные.

Итак, пока что анализ подводит к выводу об отсутствии у Татищева какого-то особого неизвестного нам летописного источника.

Но, может быть, существовали фольклорные произведения об Игоровом походе, которые и послужили для Татищева источником дополнительных свидетельств? Известно, что в пору работы над «Историей Российской» Татищев внимательно изучал былины, исторические песни, народные предания, пословицы, поговорки.³⁶

Произведения русского народного творчества, считал Татищев, могли отразить такие факты и такие обстоятельства, о которых совсем не говорится в летописях или, если и упоминается, то очень бегло. На этом основании Татищев допускал использование устнопоэтических произведений в своих исторических описаниях. Свидетельство этому — высказывание Татищева, которое содержится в примечаниях к «Истории Российской»: «Песни древних, хотя они и не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить, как видим Омера, песнями нечто в память оставившего».³⁷

В рассказе «Истории», особенно во II ее редакции, есть фрагменты с элементами фольклорного повествования (они уже отмечались выше). Может быть, они являются песенными реминисценциями, а не домыслом Татищева, как считаем, предпринятым с целью «украшения текста». Но если даже они действительно принадлежат какой-то ранее, быть может, существовавшей исторической песне, которая рассказывала о походе 1185 г., то и в этом случае в достоверность сведений фольклорного происхождения трудно верить, поскольку они попадали в «Историю Российскую» не в своем «чистом» виде, а наверняка в форме пересказа. Кроме того, они соответствующим образом обрабатывались, чтобы органично войти в текст повествования, не нарушить его логическую систему. А самое главное, как считают исследователи, к сведениям исторической песни нельзя относиться как к источнику вполне достоверному и полноценному, поскольку «историческую песню как произведение искусства характеризует своеобразное и свободное отношение к фактической стороне истории. Песня — не летопись, и ей чужда установка на сколько-нибудь точное и документальное воспроизведение фактов. Напротив, чаще всего бросается

³⁶ См. об этом: Г. И. Бомштейн. Фольклорно-этнографические материалы в исторических и географических работах Татищева. — Уч. зап. Пермск. пед. инст., вып. 21, 1959, стр. 128—155; Ф. М. Головенченко. Сборник пословиц В. Н. Татищева. — Уч. зап. Моск. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 160, М., 1961, стр. 283—290. — Приношу благодарность Г. Н. Монсеевой, любезно предоставившей мне возможность познакомиться с частью ее работы о фольклорных вставках в «Историю Российской» Татищева.

³⁷ ИР, т. I, стр. 115, примеч. 16.

в глаза несоответствие песен фактам. Песни изображают события не совсем так, а то и совсем не так, как они происходили в реальности. Иногда в них речь идет о событиях, вовсе не известных истории и в истории невозможных. Исторические лица совершают такие поступки, каких они на самом деле не совершали и не могли совершать».³⁸

По указанным причинам даже ссылка на единственный возможный источник — народную песню или былинку — не может опровергнуть основного вывода, который следует из анализа текста «Истории Российской» и летописей о том, что третьего особого летописного рассказа о походе Игоря не существовало.

Подтверждаются ли выводы фактами языка? Поскольку здесь невозможно рассмотреть всю морфологическую и лексическую систему летописи и рассказа Татищева, отметим только некоторые языковые черты и особенности рассказа «Истории», затем обратимся к глагольным формам источников, так как они, на наш взгляд, являются решающим показателем в вопросе об авторстве «вставок» («вставками» называются те фрагменты рассказа «Истории», которые не отмечаются в летописи). И, наконец, особое внимание будет уделено использованию личного местоимения «яз», так как древний руссифицированный вид этого местоимения может вызвать подозрение, что перед Татищевым лежал древний текст, рассказом которого он и воспользовался.

Нужно оговорить, что язык II редакции соответствует нормам литературного языка XVIII в. Как говорил Татищев, II редакция «переписана настоящим наречием и яснейшим слогом»,³⁹ поэтому здесь анализируются языковые особенности рассказа I редакции «Истории Российской».

Заметна последовательная славянизация текста. Летописным формам «верема», «ворота», «середе», «утече», «хочет» соответствуют в татищевском рассказе их церковно-славянские варианты: «время», «врага», «посреде», «утещи», «хощет».

И в то же время язык рассказа по сравнению с летописью подновлен. Это проявляется в утере связки во временах плюсквамперфекта и перфекта. Вместо «Игоря бяхуть яли», «шел есть от людей» в рассказе «Истории» читаем: «Игоря взяли», «шел от людей» и т. д.

Замечается тенденция к унификации глагольных форм: при замене все множество древних глагольных форм (имперфект, перфект, плюсквамперфект) сводится главным образом к аористу. В тех текстах, которые есть основания рассматривать как принадлежащие самому Татищеву, использованы также формы аориста. Правда, в эпизоде «Северян радость о Игоре» встречаются единичные случаи употребления имперфекта. Но там они, во-первых, стилистически оправданы и необходимы, так как входят в состав устойчивых словосочетаний, этикетных формул: «не можаше на конь всесть», «испускаху слезы», «людие встречаху». Во-вторых, наличие в тексте Татищева форм имперфекта не обязательно должно указывать на использование им древнего источника. Известно, что формы имперфекта отмечаются в «Елиникионе» Феофана Прокоповича (1709 г.), а в «Гистории о Российском матросе Кариотском» зафиксирован имперфект в древней нестяженной форме «имеяше»: «А оной дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи».⁴⁰

³⁸ Б. Н. Путилов. Русская историческая песня. — В кн.: Народные исторические песни. Большая сер. Библия поэта, М.—Л., 1962, стр. 9.

³⁹ ИА, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).

⁴⁰ Повесть о российском матросе Василии. — В кн.: Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII в., М.—Л., 1965, стр. 191.

Можно, конечно, предполагать, что относительно стройная глагольная система рассказа Татищева есть отражение такой же глагольной системы какого-то позднего списка летописи. Но вряд ли это так. Письменные документы вплоть до XVII в. дают самый разнородный и противоречивый материал.

Позволим себе думать, что Татищев, желая сделать понятным и доступным свой текст, упрощает язык летописи, унифицирует глагольную систему. К аористу же обращается как ко времени, легко воспроизводимому и наиболее понятному, с тем чтобы передать колорит древнего наречия.

Что касается местоимения «яз», то оно не может быть важной приметой древности текста, использованного Татищевым, потому, что, как показывает сравнение с летописью, оно употреблялось Татищевым и на месте местоимений «аз», «я», и, наоборот, летописное «яз» заменялось у Татищева формами «аз», «яз». Кроме того, появившееся «яз» в «Истории» не обязательно ведет к тексту XII в., когда «яз» наиболее активно употреблялось. Это местоимение встречается и в XVI в. в сочинениях И. Пересветова, например в «Сказании о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине»: «А яз им своя святыни не выдал на поругание: видите есть знамя мое святое небесное, иже яз всю свою святыню... к себе в небо взял, доколе будет мое милосердие святое опять во Иерусалиме и в Цареграде».⁴¹

Итак, подводя итог беглому обзору некоторых языковых черт рассказа Татищева в сравнении с летописным, можно сказать, что если приведенные здесь факты представляются неубедительными для подтверждения наших положений о характере работы Татищева с летописным текстом, то во всяком случае они и не противоречат им.

Исследовав текст «Истории Российской» таким образом, о котором здесь шла речь, приходим к выводу, что в качестве источника для рассказа «Истории» был использован список *E*₂ (который в своей сюжетной части и по характеру освещения событий не отличался от текста *E* списка), с дополнениями по Радзивиловской летописи.

Летописный рассказ получил у Татищева тенденциозную обработку, так как его главная задача была не только историческая, но и философско-нравственная.

Можно сказать, что на историческом материале Татищев создавал своеобразный этический кодекс, затрагивая вопросы о том, как должно поступать, каким правителем должно быть, примеру каких людей должно следовать.

И в этом смысле «Историю Российскую» можно рассматривать не только как произведение, отразившее «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», но и как произведение, обращенное к настоящему и будущему. Интерес «Истории» к прошлому с точки зрения задач настоящего исторического момента и составляет неопределенное достоинство «Истории Российской», благодаря которому Татищев, ученый XVIII в., предстает не просто как переписчик летописей, а как смелый создатель исторического труда с определенным политическим смыслом.

С точки зрения просветителя и моралиста Татищев судил о событиях XII в., извлекая из исторических фактов материалы для дидактических выводов. Естественно, он необходимо должен был прибегнуть к расширению текста, введению рассуждений, комментариев. В таком

⁴¹ Сказание о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине. — В кн.: А. А. Зимин и др. Сочинения И. Пересветова, М.—Л., 1956, стр. 223.

случае авторство, а иногда и обработку дополнительных сведений правомерно приписывать Татищеву. Кроме того, поскольку историк писал свод, рассчитанный на самые широкие круги читателей, то он должен был не только повествовать о событиях, но и объяснять их причину, связь, смысл. Автору было важно также, чтобы его идеи были поняты и восприняты, поэтому он придает повествованию литературный характер.

По всем этим мотивам рассказ Татищева не может быть использован при изучении обстоятельств похода Игоря на половцев в качестве дополнительного к летописям исторического источника.

Влияние татищевских рассказов видно не только у всех историков и исторических сочинителей XVIII в., но и у ученых XIX в., а также у некоторых авторов современных исследований, связанных с объяснением исторической основы «Слова о полку Игореве», и даже у либретиста оперы «Князь Игорь» (например, встреча Игоря с княгиней). Исключение составляет лишь один автор — создатель «Слова о полку Игореве». Ни одно из добавлений или изменений текста летописи Татищевым не имеет аналогий в «Слове». Это показывает, что «Слово» не могло быть создано после Татищева. Невозможно представить себе сочинителя XVIII в., который не учел бы татищевских оживлений и ошибок в рассказе об Игоре.

В процессе работы над темой определились некоторые вопросы, прямо с ней связанные, но, возможно, представляющие интерес для более полной характеристики «Истории Российской».

На материале «Истории» можно поставить — пока, правда, очень осторожно — вопрос о том, не был ли гипотетический список E_2 , охарактеризованный в работе как список, близкий Ермолаевскому, той «Раскольниковой летописью», которую Татищев называет в числе манускриптов, использованных им в работе. Возможность заимствования каких-то сведений из «Раскольниковой летописи» была. В ней могли найти отражение события 1185 г., поскольку «Раскольниковья летопись», по свидетельству Татищева, кончалась изложением событий 1197 г. И, может быть, можно говорить не об Ермолаевском списке, использованном Татищевым, с дополнениями по «Раскольниковой летописи», как пишет в своей книге С. Л. Пештич,⁴² а просто о «Раскольниковой летописи», которая представляла собой список Ипатьевской летописи, очень близкий к Ермолаевскому, в своей событийной части даже равный ему. Это положение требует тщательной проверки.

При дальнейшем изучении «Истории Российской» необходимо сопоставить ее текст с миниатюрами Радзивилловской летописи. А. В. Арциховским замечено, что «кенигсбергские миниатюры оказались довольно точными иллюстрациями»⁴³ к некоторым татищевским описаниям. На основе этого наблюдения исследователь делает вывод: как миниатюры Радзивилловской летописи восходят к иконографической традиции XII в., так и описания Татищева взяты из источников, относящихся к поре раннего летописания. Этот вывод обратим. Возможно, сходство миниатюр с описаниями «Истории» обусловлено тем, что при создании своего труда Татищев обратился к миниатюрам Радзивилловской летописи как к дополнительному источнику (которым, как известно, он пользовался). Кроме миниатюр Радзивилловской летописи, миниатюры

⁴² С. Л. Пештич. Русская историография, ч. I, стр. 258.

⁴³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 17.

Никоновского лицевого свода (который имелся у Татищева), яркие и насыщенные деталями, могли дать Татищеву материал для некоторых сюжетов, портретных изображений, интересных и подробных описаний, какие мы находим только в «Истории Российской».

И, наконец, работа Татищева над летописными текстами в процессе создания «Истории Российской» интересна для изучения самого типа воспроизведения древних текстов, существовавшего в XVIII в., что прежде всего важно в связи с пониманием и интерпретацией текста «Слова о полку Игореве» в ту эпоху. Анализ только одного рассказа «Истории» убеждает, что, стремясь полностью воссоздать тип летописного повествования, его дух, его стиль, Татищев вкладывает в текст «создаемого» им летописного свода мысли, понятия и речь человека XVIII в. Кроме того, частые случаи непонимания и искажения смысла древних текстов, появление анахронизмов даже в передаче летописных рассказов — произведений, значительно менее сложных по своей художественной структуре, чем «Слово о полку Игореве», — свидетельствует о том, насколько трудным было восприятие древних текстов даже для одного из образованнейших ученых XVIII в.
